

МИР КУЛИС

ЗАПИСКИ
АКТЕРА

СРЕДИ целого мира закулисных помещений с его пестрой теснотой, запахами помады, клея, пыльных тряпок и только что отутюженных костюмов для меня священным и таинственным всегда было и остается то место, где хранятся декорации.

На свете нет ничего сценичнее, чем декорации. Даже самые плохие, они больше говорят о театре, чем все здания и зрительные залы, вместе взятые.

Когда на улице строгого, охваченного деловой суетой города вдруг появляется неуклюжий, заваленный под самые троллейбусные провода грузовик с декорациями, редкий гражданин не взглянет на это чудовище. Разноцветный, ошестинившийся острыми углами хлам так и режет глаза одним своим присутствием, шокируя трезвую серьезность серой благопристойной улицы. Да не только улицы. Декорации несовместимы ни с чем, кроме игры, для которой они предназначены, они плоть от плоти театра.

Веками они срастались с ним, воплощая его наивную мудрость и чистоту. Независимо от стилей, уклонов и моды они всегда служили только зрелищу, празднику и вдохновению. Все это по-своему отразилось в декорациях и ясно читается даже тогда, когда они не «у дел».

То ли оттого, что в самом раннем детстве, живя с родителями во дворе Московского Художественного театра, я целые дни крутился среди склада декораций, то ли оттого, что потом строил и расписывал их своими руками, но для меня они наделены почти теми же чертами, что и люди, являющиеся на сцене. Они бывают мудрые и глупые, вдохновенные и тупые, обаятельные и бездарные.

С ними связано и первое представление о театре, и первая трудовая полулка, и первый восторг «заработанных» на сцене аплодисментов, да и саму сцену я впервые увидел именно через те задние ворота, где проносили во двор декорации.

Но не стоило бы погружаться в эти мемуарно-лирические воспоминания детства, если бы и сегодняшнее мое представление о театральной условности полностью не совпадало с теми простыми ощущениями, которые в самой непосредственной форме возникли именно тогда. И теперь, как только случается оказаться в кругу декораций, я невольно попадаю в плен все той же таинственной силы этих гигантских несуразных игрушек воображения...

Тесно составленные где-нибудь в глубине, позади сцены, они, как призраки, возвышаются в синеватом сумраке тусклой «дежурной» лампочки. В угаре идущего спектакля, когда все подчинено тому, что происходит на сверкающих огнями подмостках, в этом дальнем углу кажется особенно тихо и темно.

Только во время перестановки картин здесь на секунду появятся рабочие, втолкнут, не глядя, еще какую-нибудь громадину и тотчас исчезнут, будто то, что они принесли, больше никогда никому не пригодится.

Повернутые шершавой изнанкой, лишенные драпировок и света лампы, в стороне от шума и суеты спектакля, декорации составляют свой особенный мир. Это на первый взгляд бессмысленное нагромождение несовместимых обломков в действительности оказывается удивительно гармоничным, полным смысла и значения собранием со своими неповторимыми, присущими только ему чертами.

В какой бы стране, в какой бы чужой театр вы ни забрели, с современным или старинным залом, с большой или маленькой сценой, — стоит заезшему артисту оказаться посреди декораций, как сейчас же он почувствует себя в знакомом, до мельчайших подробностей привычном кругу. И не столько потому, что скопище декораций всюду представляет собою одинаково живописное зрелище, сколько потому, что при любой комбинации деталей тут вы оказываетесь всегда на одном и том же перекрестке, на пересечении фантазии и жизни, где все подчиняется только одному: вечным законам театра.

Стены, которые ничего не ограждают, лестницы, которые нигде не ведут, двери, которые ничего не запирают, — все это столько же слепки с реальной жизни, сколько творение чистой поэзии и воображения. Поэтому-то так просто и легко здесь сопрякаются стили, формы и времена. Не разделенные ни авторами, ни рамками спектаклей, ни приемами исполнения, эти грубо

размалеванные холсты и палки равно причастны всему, что было от первого до сегодняшнего представления.

Кажется, что тесный лабиринт декораций хранит в себе тени великих актеров, их судьбы, хранит легеды кулис, которые вместе составляют единую нить живой истории театра со всеми триумфами, провалами, актерским счастьем и актерским потом.

Испокон века в этот тихий закоулок кулис приходят актеры, чтобы в последние секунды перед появлением на сцене пробормотать себе под нос какие-то «таинственные» слова, которыми, точно в сказке, должна отвориться заветная дверь вдохновения. Здесь, забившись в угол, трепещущая от волнения дебютантка, еще не соображая, что произошло, как приговора судьбы, ждет первого взрыва аплодисментов перед выходом на подлоны, и тут, уткнувшись лицом в щель между щитами, плакал старый комик, герой чаплинских «Огненной рампы»...

Но если даже отбросить романтические фантазии и отобрать у этих наивных конструкций и душу, и историю, а аромат кулис превратить в гнилой запах, пропитанных клеевой краской тряпок, и тогда в них все-таки останется то главное, что составляет тайну театра и одинаково относится ко всему являющемуся на сцене, будь то драпировки, бутафория или сам актер.

В отличие от любой музейной коллекции, где каждая подлинная штучка лежит под своим стеклышком, собрание декораций всегда есть собрание живых вещей, где всякий обломок и всякая рвань таят в себе возможность преображения. И будь они настоящим мрамором, парчой или золотом; они бы ничего не выиграли, а только потеряли, так как утратили бы главное бесценное свое качество — способность превращения.

Эта возможность, радость, наконец неприменность превращения всего, что связано с театром, и составляет его чарующую волшебную силу, которая приковывает к сцене не только актеров, но и тех, кто никогда не появляется перед публикой...

Алексей БАТАЛОВ.

Индустриальная правда

МОСКВА

11 ОКТ 1969